

ОЛЬГА ПАШНИНА

ИГРЫ
ОГНЯ

— ПЛАМЯ —

Ольга Пашнина

Игры огня. Пламя

<https://litres.ru/74532828>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может быть сложнее, чем одолеть могущественного мага, решившего изменить наш мир в угоду собственным целям?

Победить на играх стихий, обладая самой слабой в мире магией - сделано.

Перевестись в императорскую академию магии - сделано.

Спасти жизнь государю, стать его невестой, предотвратить гражданскую магическую войну и разобраться в тайнах собственного происхождения? Вот это будет главное испытание, ведь Игры Стихий продолжаются даже после финала, и главный приз в этих играх - жизнь.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	36
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	54
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ольга Пашнина

Игры огня. Пламя

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Этот город меня ненавидел.

Зонт вывернуло резким порывом ветра. От неожиданности я не удержала ручку — и его потащило по улице вниз. Я рванула следом, но услышала подозрительный хруст и, неожиданно потеряв опору, рухнула на мокрый асфальт. Коленку обожгла боль. Я подняла голову, посмотрела на низкие серые тучи и рявкнула:

— Я знаю, что ты меня ненавидишь! Сбрось уже мне на голову с крыши кирпич!

Словно издеваясь, порыв ветра сорвал с козырька целую лужу и обрушил мне на голову.

Кирпич — это слишком просто для той, кто сожгла город.

Санкт-Петербург видел много историй. Трагических, пожалуй, куда как больше, чем хороших. Но никто и никогда не отыгрывался на городе. Никто не делал его жертвой собственной боли. А я сделала — и теперь город меня ненавидит.

Каблук треснул пополам. Складывалось ощущение, будто в этих туфлях пытался прыгать бегемот, а не хрупкая девица

девятнадцать лет.

— Все... — выдохнула я, поднимаясь. — Уеду я, уеду!

Осталось всего несколько недель до рейса. Я понятия не имела, что буду делать дальше, как устроюсь в чужой стране. Но точно знала: в России оставаться нельзя. Не после того, что случилось.

— Держи, — вдруг раздался голос из-за спины.

Я обернулась и сначала увидела белые кеды, которые протягивала девушка в длинном дождевике, скрывающем ее полностью.

— Спасибо, я в порядке...

— Держи ты, — фыркнула незнакомка, — я всегда вожу в машине спортивную форму. Не пойдешь же ты босиком?

Впервые за последнее время произошло что-то хорошее. Я с благодарностью взяла кеды и начала переобуваться прямо посреди улицы, держась за стену.

— Спасибо огромное! Понятия не имею, почему каблук сломался, я купила эти туфли неделю назад. Оставь, пожалуйста, контакты. Я пришлю тебе их с курьером или завезу сама...

— Лучше давай сходим пообедать. Я знаю одно классное место. Заодно кое-что обсудим.

Я закончила шнуровать кеды и выпрямилась. Открыла было рот, чтобы вежливо отказаться — настроения обедать и болтать с новыми знакомыми не было, но тут девушка сняла капюшон. Несколько секунд она молчала, давая мне вре-

меня осознать то, что я вижу. Потом улыбнулась.

— Не отказывайся сразу, Ярина. Уверена, что могу поведать тебе много интересного.

Я видела ее лишь однажды, на портрете в Екатерининском дворце. Потом игры затянули меня, и Натали Аронова так и осталась мертвой девушкой, в чьем платье я пришла на бал. А теперь она стояла передо мной, из плоти и крови. Капли дождя стекали по длинным русым волосам, но совсем не портил идеальную укладку. В серых глазах, казалось, отражался весь осенний Питер — с его сыростью, мокрым асфальтом и темными водами каналов.

— Ты жива...

— Игр ведь не было, — пожала плечами Натали. — Так что? Пообедаем?

Даже если бы я хотела отказаться, то не смогла бы. Слишком сильный был шок. Порой я думала, что та реальность мне просто приснилась. Появление Ароновой было первым и единственным подтверждением того, что магический Петербург вообще существовал.

— Идем! — Она решительно направилась к проспекту.

Едва мы вышли на Невский, я поняла, куда ведет меня Аронова. Нежелание признаваться в слабостях оказалось слабее тошноты, которая подкатила к горлу от мысли о знакомом месте.

— Может, выберем что-то другое? — спросила я.

Но Аронова решительно взялась за ручку книжного “Дом

Зингер”.

— Здание-то в чем виновато? — хмыкнула она. — Ты не того боишься.

Спорить я почему-то не решилась.

После пожара прошло достаточно времени, чтобы магазин восстановили. Часть здания все еще была закрыта, но и книжный и кафешка на втором этаже уже работали. Похоже, произошедшее никак не повлияло на любовь питерцев и туристов к этому месту. И я не могла не признать, что понимала их. Здесь все же было невероятно красиво.

Из огромных окон открывался потрясный вид на собор. В воздухе витала приятная смесь из парфюма и ароматов выпечки. Почти все столики были заняты, меж ними сновали официанты. Но один, у окна, был свободен. К нему и направилась Аронова, проигнорировав очередь на входе и администратора. Впрочем, возмущений это ни у кого не вызвало. Едва мы сели, подскочил администратор:

— Наталья Алексеевна, готовы сделать заказ?

— Два луковых супа и два бокала просекко для начала,
— отозвалась она.

— Я не пью, — запротестовала я.

— Начнешь, когда поговорим, — отрезала Аронова.

“И лук ненавижу”, — хотелось добавить мне, но я так замерзла, что мысль о любом горячем супе уже приятно грела.

Сначала принесли два запотевших бокала с холодным вином. Я не шелохнулась, все еще намереваясь придерживаться-

ся принципов, а вот Натали изящно пригубила вино и удовлетворенно кивнула. Поняв, что я не в состоянии завести разговор, она начала:

— Ты нашла Светлова?

Я покачала головой.

— В стране тысячи Михайлов Светловых, и я посмотрела все страницы в соцсетях, которые нашла. Никого похожего. Может, он не сидит в интернете. Может, живет за границей. Но Дашков сказал, что выдумал его для меня...

— Дашков солгал! — отрезала Натали и вдруг напонила своего отца — точно то же он сказал о моих снах о прошлом.

— Невозможно создать человека. Никакая магия не способна на то, чтобы из пустоты сделать душу. Можно переписать судьбу человека, заставив его быть тем, кем хочется — это и сделал Дмитрий.

— Я даже Дашковых не нашла, — вздохнула я. — Думала, может, найду Светлова в окружении Дмитрия. Ходила на могилу Аспера... то есть, Алексея. Дмитрий платит за то, чтобы за могилой ухаживали, но не навещает его. В соцсетях его нет...

Натали покачала головой и мне показалось, что посмотрела с сочувствием.

— Найти Светлова можно. Но нужно ли это тебе?

— О чем ты?

— Он погиб. В том мире он погиб. Ты помнишь, каким вернулся из мертвых Аспер?

Я закусила губу. Солгать? Сказать, что ни разу не задумывалась о том, что история могла повториться и место Аспера в этой реальности занял Михаил?

— Я надеялась, что это не сработает в обратную сторону. Что в этой реальности Светлов не должен был погибнуть, а значит, не возродится монстром.

— Ты напрасно надеялась, — ответила Натали.

Принесли суп. Коричневая луковая каша в тарелке меня не слишком вдохновила, а вот посыпанная подплавленным сыром гренка в центре тарелки показалась аппетитной. Но на вкус все оказалось чуть лучше, чем ожидалось, и противного лукового привкуса не чувствовалось.

— Значит, я ошиблась. Плевать. В любом случае, Дашков не имел права менять реальность, поэтому я просто вернула все на место.

— И возможно сделала из Светлова психопата или маньяка-убийцу. Знаешь, Дмитрий, конечно, та еще сволочь. Но даже он с трудом принимал Аспера, которого сам и создал. Даже изменил его имя. Думаю, в глубине души Дмитрий понимал, что его брат мертв, а это — нечто совсем другое.

— Ну... — Я опустила ложку, кусок в горло не лез. — Он погиб из-за меня. Мне с этим и жить.

— А если, — Натали посмотрела мне в глаза, — я предложу тебе сделать то же самое, что когда-то сделал Дмитрий Дашков, но избежав его ошибок? Если я предложу тебе вернуть в мир магию, только сделать это так, чтобы Светлов был

жив?

Я замерла, пытаясь осознать услышанное. Это было сложно, ведь я уже давно попрощалась с тем миром. И теперь, столкнувшись с реальной возможностью его вернуть, растерялась.

Хочу ли я снова стать частью магического Петербурга?

Жить в коммуналке на Петроградке, учиться в Школе Огня, соперничать с магами воды, выгрызать право даже не на безбедное будущее — а просто за право жить так, как нравится? И постоянно слушать о том, что магия у меня сама слабая, бездарная и презируемая?

— А что у тебя есть здесь? — спросила Натали, словно прочитав мои мысли. — Есть достаток, которого обидно лишиться? Есть семья, которой нет в том мире? Быть может, любовь?

— Ну вообще-то есть и достаток, и семья. Я живу не в коммуналке, а в хорошей квартире, где у меня есть собственная комната. И родители у меня не кожевник и горничная, а пожарный и врач. И у меня нет никакого особого дара, из-за которого меня все презируют. Я могу поступить в любой универ и освоить почти любую профессию.

Натали откинулась на спинку и с усмешкой глотнула вино.

— И как? Куда поступила?

Я закусила губу и отвела взгляд. Дашков вернул мир на место, но время ушло вперед. И я обнаружила, что на дворе глубокая осень, а единственное качество, в котором я появ-

лялась в универе — это в списках на отчисление. Я даже не получила студенческий! Оказывается, если в течение десяти дней ты не приступил к занятиям — то прощайся с местом.

— Давай подытожим. Ты никуда не поступила. Живешь с родителями в квартире, где солнце бывает только по телевизору, потому что вокруг настроили кучу других высоток. Твой отец ежедневно рискует жизнью, а мать горбатится на низкооплачиваемой работе, где ее считают обслуживающим персоналом — но да, не в чужом доме, а в поликлинике. И парень, ради которого ты вернулась в этот мир, где-то очень далеко, да еще и к тому же бездушный социопат. Ого. И как же от такого отказаться?

Захотелось ее ударить. Натали говорила ледяным безапелляционным тоном, каждое ее слово било наотмашь.

— Ты была капитаном команды огня, который вел ее к победе. Ты использовала магию огня так, как не удавалось никому. Ты противостояла Дашковым. Встретила парня, который готов был за тебя умереть — и умер, в конечном итоге. И хочешь променять все это на... что? Вот это?

Она обвела глазами помещение. Словно по заказу в этот момент кто-то рядом начал громко материться по видеосвязи. Натали скривила хорошенький носик и бросила в ту сторону неодобрительный взгляд.

Но у меня еще оставался последний аргумент:

— Дмитрия вряд ли можно заставить снова все поменять. “Я ведь убила его брата” — это я сказать не решилась.

— А причем здесь Дмитрий? Он не единственный, кто может использовать Ветер Перемен. Ты тоже сможешь.

— Как?

— Показать проще, чем рассказать. Соглашайся, Ярина. Мы сможем переписать мир так, чтобы все исправить.

Что-то во всем этом мне не нравилось. Слишком уж активно Натали пыталась склонить меня к нужному решению. И она явно давно за мной наблюдала, раз знала и о том, что меня отчислили, и о том, где я живу. Только вот зачем? В этой реальности она не знала, что я существую. Да и в той мы не успели познакомиться.

Так, стоп...

— А тебе это зачем? — спросила я. — Ты ведь погибла в том мире. Зачем ты хочешь его вернуть? Я не знаю, как работает Ветер Перемен, но не уверена, что как компьютерная игра, в которой можно выбрать любого персонажа.

— Я надеялась, что ты ухватишься за возможность вернуть Светлова и не станешь задавать вопросы, — тихо призналась Аронова.

— Вопросы — основная причина всех моих проблем, поэтому не будем нарушать традицию. Зачем тебе рисковать?

— Есть законы, которые нельзя нарушать. Человек, умирающий в одном мире, не возрождается полноценно в другом. Возвращается только его тень. Это сложно описать. Ты ничего не чувствуешь, ничего не хочешь, ни к чему не стремишься и никого не любишь.

— Это депрессия. Сходи к психиатру и попей таблеточки.

— Я не договорила! — отрезала Натали, и я вздрогнула от металла в ее голосе. — И я была у множества врачей. Но отсутствие души не лечится антидепрессантами. Впрочем, в абсолютном равнодушии можно жить. До тех пор, пока не находится одна крошечная лазейка... пока ты не обнаружишь, что очень яркие эмоции ты все же чувствуешь. Только добиться их не так-то просто. Нужно что-то очень сильное.

— Есть хорошие сильные эмоции. Любовь, например.

— Да, только ты знаешь, когда возникает самое яркое эмоциональное проявление любви? Когда эту любовь топчут ногами. Когда эту любовь теряют. Ярче всего любовь проявляется через боль. А любовь к жизни — через страх ее потерять.

Я поежилась. Нечто подобное я уже слышала, с теми же холодными интонациями.

— Хуже всего то, что без этих эмоций ты не можешь существовать. Испытав их единожды, ты хочешь еще и еще. И эта жажда толкает на жуткие поступки.

— Например?

Натали покачала головой.

— Я пока ничего не сделала. Но думаю об этом каждую минуту. Когда закрываю глаза — представляю, как и когда могу получить желаемое. Чьи жизни могу оборвать. Рядом со мной много тех, кто не заслужил быть просто инструментом для кратковременного удовольствия, но долго держать-

ся я не смогу.

Она наклонилась и вдруг мертвой хваткой вцепилась в мою руку.

— Я так жить не хочу. Если мы не вернем тот мир, то я начну убивать. Или еще что похуже.

— Но если вернем — ты будешь мертва!

— Я уже была мертвой, это не так уж страшно, Ярина. Просто темнота и покой, которые ты даже не осознаешь, если не вернешься из мертвых. Но так я жить не хочу. И... не хочу, чтобы так жил отец. Он не заслуживает видеть меня такой.

— А его ты спросила?

В ярости Аронова ударила кулаком по столу. Осуждающие взгляды полетели со всех сторон, но она не обратила на них внимания.

— Ты хоть понимаешь, о чем я говорю?! Я превращаюсь в монстра! И папа будет вынужден или покрывать меня или просто смотреть, как дочь становится жестокой психопаткой... хотя нет, хуже, потому что психопаты хотя бы больны. А я просто гнию заживо... и мне на это плевать. Как и Светлову сейчас. Только он вряд ли сопротивляется... Подумай, Ярина, на одной чаше весов твое мнимое благополучие в этом мире. На второй — десятки жизней, которые мы отнимем... потому что мир Дашкова уже отнял наши души, и этого не изменить.

Я молча схватила свой бокал и осушила до дна.

***

Ароновы были богаты. Очень богаты.

Их квартира занимала целый этаж в высотке бизнес-класса. Из гостиной открывался роскошный вид на Петербург, все вокруг было начинено техникой. Тихая роскошь — Ароновы предпочитали минимализм, простые формы, дорогие ткани и светлые тона. Я задумалась: а что о жизни Алексея и Натали в том мире я знала? Очень мало.

— Держи. — Аронова принесла мне чашку чая — после вина страшно разболелась голова.

— Ты уверена, что твой отец о нас не узнает?

Вряд ли Алексей будет в восторге, если узнает, что Натали меня нашла. И не просто нашла, а предложила снова изменить мир. Я и сама, признаться честно, в восторге не была.

— Не узнает, он в отъезде. Будет только послезавтра. Идем в кабинет.

Я не стала спрашивать, кем работает Аронов и откуда у него деньги на такую квартиру. Его кабинет оказался скорее библиотекой: все стены занимали книжные полки, даже над дверью и по бокам от окна.

— Папа собирает старые книги, — подтвердила Натали. — Прижизненные издания, лимитированные выпуски, типографский брак. Некоторые издания стоят миллионы. Впрочем, самые ценные он держит под замком.

Она по-хозяйски села за его стол и принялась рыться в ящиках.

— Они-то нам и нужны! Помимо прочего, он еще и собирает все об оккультизме. Полагаю, изучает произошедшее с миром... или пытается. Так что если я найду ключ, то мы сможем узнать что-то о Ветре Перемен и о том, как его пробудить. Я бы обратилась к Дашкову, да тоже не смогла его найти. К тому же есть подозрение, что он нас пошлет...

— Но с чего ты взяла, что я смогу управлять ветром? Я была магом огня. К тому же в этой жизни ни разу не пользовалась магией.

— Ты же не думаешь, что сожгла Петербург потому что Дашков забыл придумать систему магического пожаротушения? — хмыкнула Аронова. — Механика работы магии ветра и твоего гранд-пожара одинаковая. Надо только найти инструкцию, как ее пробудить...

— А с чего ты решила, что она есть у твоего отца?

— Он не хочет рисковать. Считает, что сумеет выполнить функцию хранителя, который не дает тайным знаниям разрушить реальность...

— И не подозревает, что собственными руками это разрушение приближает.

— Если ты надеешься воззвать к моей совести, то напоминаю, что у меня ее нет. Мне плевать на разочарование отца.

— Но не плевать на его боль, — тихо произнесла я. — Ты же боишься, что ему придется жить с твоим состоянием. Не хочешь ему такой судьбы. Значит, не плевать.

— Да. Пока что. И это стремительно тает... да где же чер-

тов ключ! О... флешка? Хм...

— Что?

— Зачем ему флешка? Ими кто-то вообще еще пользуется?

— Я пользуюсь. Мало ли, зачем. Документы важные хранить. Или, может, это вообще электронная подпись от налоговой. Не будет же твой отец хранить инструкции по уничтожению мира на флешке.

— Я бы хранила, ведь все подумают именно так.

С этими словами Аронова вставила флешку в разъем. А я, пока она изучала файлы, бродила по кабинету и рассматривала содержимое шкафов. Старинные издания. Роскошные книги ручной работы. Картины — Аронов коллекционировал импрессионистов, и каждый экземпляр коллекции заслуживал внимания.

Наконец я подошла к самому дальнему стеллажу. Здесь не было дорогих книг, в основном какие-то справочники и энциклопедии. Зато были фотографии.

В основном Натали, конечно. Маленькая, школьница, выпускница — Аронов бережно хранил воспоминания о дочери и мне стало его жаль. Сначала оказался в мире, где она погибла. Потом каким-то чудом все вернулось, а вместо дочери — бездушное существо. Догадывался ли он, что происходит с Натали?

На одной из фотографий взгляд споткнулся. Трое подростков, едва ли старше нас, стояли в осеннем парке и улы-

бались. В одном из них я узнала Алексея. А вот двое других...

Открыв дверцу, я достала фото и всмотрелась.

— Это же мама и папа...

Посередине улыбалась мама. Лет на двадцать моложе, с дурацким начесом — но совершенно точно она! А по другую сторону стоял папа.

В надежде найти на фото какую-то надпись или хотя бы дату, я вытащила фото из рамки. На пол упал какой-то клочок бумаги. Наклонившись, чтобы его поднять, я замерла.

Клочком оказалось небольшое фото, а может, даже его кусочек — слишком мутным было изображение. На нем мама счастливо смеясь обнимала... Аронова.

— Не знаешь, кто это? — спросила я.

Натали отвлеклась от компьютера и мельком взглянула в сторону фото, что я держала.

— А, папин институтский друг. И первая любовь.

— Друга?

— Почему друга? Папы. Что-то там у них случилось, и они расстались. Папа встретил маму, родилась я. Потом, когда мама нас бросила, папа пытался вроде как с ней снова сойтись, но она уже была замужем. Не в курсе подробностей, я в личную жизнь отца не лезу. А что такое?

— Это мои родители.

— Чего?! — ахнула Натали.

— Он сказал, что Дашков все это придумал...

— Посмотри сюда! Ярина, быстро!

Что-то в ее голосе заставило послушаться. Я вернула фото на место и подошла к компьютеру.

— Смотри, что он изучал.

Сначала на экране мелькали какие-то фотографии, скриншоты новостных статей. Лишь через несколько файлов до меня начал доходить общий смысл.

— Не только ты искала Светлова.

— У нас нет доказательств, что это он. Просто какие-то убийства девушек. Печально, но не все преступления связаны с тем миром.

Аронова посмотрела на меня, как на идиотку.

— Серьезно? Ты вообще ничего не видишь или не хочешь видеть?

Она вывела на экран фотографии девушек, пропавших в Москве за последний год.

Словно кто-то прогнал мое фото через нейросеть с запросом “нарисуй семь похожих на нее”.

— Теперь ты понимаешь, о чем я? — спросила Натали.

— Теперь веришь?

Где-то в квартире хлопнула дверь.

— Наташ? Ты дома? — раздался голос Алексея Аронова.

— Я приехал.

Я отскочила от стола, едва не налетев на Натали в кресле. От ужаса похолодели руки: я хорошо представляла, какотреагирует ее отец, когда увидит меня здесь. И хоть у меня была

тысяча вопросов к нему, я не была готова к этой встрече!

Впрочем, все оказалось намного хуже.

— Сиди здесь! — сказала Натали. — Я уведу его поужинать в ресторан и оставлю дверь открытой.

Что ж, она тоже знала своего отца.

Но Натали не успела даже выйти в коридор, как раздались шаги, а затем дверь открылась.

— Детка, у нас сегодня...

Аронов осекся, увидев меня. Я постаралась принять беспечный вид и одновременно судорожно придумать невинное объяснение собственному присутствию в его доме. Но более опытная Натали успела первой.

— Привет, пап! Ты рано. Знакомься, это Ярина. Мы пытаемся заказать с твоего компьютера пиццу, потому что попали под дождь и оба телефона вымокли и вырубались. Кстати, скинь денег на новый.

Во мне не было и сотой доли актерского таланта Ароновой. Она говорила это так буднично и недовольно, словно и впрямь лишилась телефона и раздражена осенней питерской погодой.

— Ярина? — переспросил Алексей, не сводя с меня глаз.
— Новая подруга?

— Впервые встретились сегодня. Я одолжила ей кроссовки. Еду мимо, смотрю — девица в луже лежит. Подумала: вдруг стало плохо? А у нее каблук сломался.

— Надо же, как удобно получилось.

— Очень удобно! — раздраженно буркнула Натали. — Задолбала эта срань на улице, когда уже снег выпадет. Еще интернет отключается... будешь с нами пиццу?

— Ярина останется на ужин?

Поняв, что играть будничным выбором пиццы дальше не получится, Натали подняла голову и нахмурилась.

— А что не так с Яриной?

Эмоции Аронова имитировала мастерски. Неудивительно, что Алексей так и не понял, что прежний мир не вернул ему прежнюю дочь.

Меж тем, пока я восхищалась талантами Натали, он не стал ходить вокруг да около. За нежелание играть в странные игры его даже можно было уважать.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он таким тоном, что не осталось сомнений — закосить под идиотку не выйдет.

— То, что сказала ваша дочь. Она одолжила мне кеды и почти силой притащила сюда, чтобы накормить.

Я помахала ногой, на которой все еще были кроссовки Ароновой. К моему стыду, на паркете еще виднелись темные следы от них.

— И вы встретились случайно?

— Если бы я хотела увидеть вас специально, я бы явилась раньше.

— Вы о чем? Вы знакомы?

Еще несколько секунд мы молча смотрели друг на друга и каждый пытался испепелить другого взглядом. Но в этой

версии мира магия не работала, так что даже вода с пола не спешила испаряться.

— Наши родители были знакомы, — наконец демонстративно небрежно отмахнулась я. — Когда-то.

Уж не знаю, убедило ли это Аронова в том, что я оказалась в его доме случайно и не была намерена раскрывать Натальи все тайны ее отца, но он все же перестал буравить меня взглядом. Хотя внешне ничуть не смягчился.

— У нас сегодня гость, — произнес он. — Полагаю, Ярине придется остаться на ужин.

— Я бы предпочла пойти домой. Родители волнуются.

— Это уже не зависит от тебя, — отрезал Аронов.

Мы с Натальей совершенно искренне недоуменно переглянулись. В воздухе витало странное напряжение. Следом за Алексеем мы вышли в гостиную, где нас уже ждал “гость”.

Я вздрогнула, когда парень, стоявший у окна, обернулся. Еще час назад я бы взвизгнула от счастья и бросилась ему на шею, наплевав на то, что Михаил Светлов понятия не имеет, кто я такая.

Но сейчас я не была уверена, что готова встречаться с ним лицом к лицу.

— Это Михаил, — мрачно представил нас Аронов, — коммерческий директор фирмы, с которой я сотрудничаю. Это Наталья, моя дочь. И ее подруга Ярина.

— Девушки останутся на ужин? — равнодушно спросил Светлов.

Но от его взгляда мне стало не по себе.

— Останутся, — тихо произнесла я.

Желание позорно сбежать было ужасно сильным, но я так долго его искала — и теперь не была готова так просто поддаться страху. Может, Натали ошиблась. Может, Светлов в порядке.

Ему определенно шел этот мир. Светло-коричневый костюм с широкими лацканами сидел, как влитой, на идеально сложенном теле. Светлые волосы были подстрижены короче, чем я привыкла, и уложены назад. На руке поблескивали недешевые часы. Я смотрелась рядом, как нищая школьница, в дурацких кедах и еще мокром платье, со спутанными волосами и наверняка расплывшимся макияжем — хоть я и пыталась поправить его в туалете ресторана.

— Закажем пиццу? — спросила Натали, и в гнетущей тишине ее голос прозвучал наигранно.

— Я велел Анне накрыть к моему приезду в столовой, — ответил Аронов. — Идем.

Мужчины любезно пропустили нас вперед, к столу. От тарелок исходили аппетитные ароматы, но я не могла заставить себя обратить внимание на еду.

Неудивительно, что Аронов не поверил в легенду дочери. Заказывать пиццу при наличии такого ужина?

И все же, для чего он притащил Светлова домой? Зачем он вообще искал его?

Если поставить себя на место Алексея, то что произошло?

Дашков изменил мир, и в новом для дочери Аронова не осталось места. Я мир вернула — и Натали снова была рядом с отцом. Что не так? Что заставило его искать Светлова? Даже если Аронов подозревал, что смерть в том мире превратила Михаила в психопата в этом, не плевать ли? В стране сто сорок семь миллионов людей, да при желании они никогда бы не встретились!

Я чувствовала, что что-то упускаю. Но никак не могла нащупать нужную ниточку.

За столом Светлов оказался напротив меня.

Я села на краешек стула, стараясь не касаться спинки, словно так я была готова в любое мгновение дать деру. Глупо, конечно, уже никуда не сбежишь.

Натали опустилась рядом и, не глядя на отца, принялась изучать ассортимент на столе.

— Попробуй мидии, — буднично посоветовала она мне, — Анна их потрясно готовит. Сначала чистит, потом запекает с сыром, а потом еще томит в раковинах. Безумно вкусно. Михаил, вы любите морепродукты?

— Ничего не имею против.

Голос у него был ровный и пустой, как в автоответчике: нужные слова в нужном порядке, но ни единой эмоции, ни капли жизни.

И все же я ощутила, как по телу разлилось приятное тепло. Мне его не хватало.

Я рискнула поднять на него взгляд. Михаил сидел, отки-

нувшись на спинку, и крутил в пальцах зажигалку. Щелк-щелк. Огонек вспыхивал и гас, вспыхивал и гас.

— Вы учитесь, Ярина? — вдруг спросил он.

— Я... скоро улетаю в языковую школу в Лондоне. Планирую обучаться в Европе.

— Не боитесь? — его губы тронула усмешка. — С Европой у нас сейчас не самые теплые отношения.

Что тут скажешь? Он еще не знает, какие у меня отношения с Петербургом.

— Политика переменчива. А хорошее образование всегда востребовано.

Аронов открыл вино. Несколько темно-бордовых капель упали на светлый стол, напомнив кровь. За окнами окончательно стемнело, в столовой зажегся свет. Казалось, мы сидели под яркими лампами, как под микроскопом. Я ловила на себе взгляды Аронова и гадала, что он вообще задумал и для чего устроил этот ужин. И почему не велел мне убираться, а заставил выйти к Светлову.

— Давно вы дружите? — спросил тот.

— Сегодня встретились, — ответила Натали. — Питерская погода сближает. А вы давно с папой работаете?

Светлов хмыкнул. Это был даже не смех, а механическое движение голосовых связок, звук, который должен был означать вежливую насмешку.

— Не поверите, тоже встретились сегодня. Забавное совпадение, да?

— Очень, — безмятежно улыбнулась Натали.

Вновь воцарилась тишина. Я рассеянно ковырялась в тарелке, делая вид, что ем, но кусок не лез в горло. Более странного ужина в моей жизни еще не было. Каждый из нас прилежно ел и каждый об этом знал, но мы все равно продолжали.

Светлов все так же крутил зажигалку. Щелк-щелк-щелк. Я следила за его пальцами и пыталась понять, помнит ли он что-нибудь. Любое движение, любое слово, которое выдало бы, что внутри еще есть тот, кого я знала.

Ничего.

— Ты красивее, чем я себе представлял, — вдруг сказал он.

Я не сразу поняла, что это мне. Светлов смотрел на меня оценивающе, как рассматривают вещь на витрине: прикидывают цену, решают, нужна ли она вообще.

Сердце пропустило удар. Увы, не от трепета девицы, которой сделал комплимент понравившийся парень. Из уст Михаила комплимент звучал скорее как угроза.

— Простите? — Я все еще пыталась делать вид, что все в порядке.

— Выглядишь уставшей.

Натали замерла над тарелкой. Аронов поставил бокал с таким стуком, что тот жалобно звякнул.

— Я думаю, девушек стоит отпустить в комнату Наташи, им незачем слушать скучные разговоры о бизнесе.

— Нет, — отрезал Светлов.

— Прошу прощения?

— Наташа может уйти. Она останется.

Тут я уже не выдержала.

— Я сама могу решить, где мне находиться. И на самом деле мне уже пора. Наташа, спасибо за обувь, я отдам в химчистку, а потом пришлю курьером. Алексей Иванович, вам привет от папы. Михаил, была рада познакомиться...

Я встала, слишком резко, стул скрипнул по паркету. Натали посмотрела на меня с каким-то странным выражением. Аронов не двинулся с места.

— Папа вызовет тебе такси...

— Не нужно, я сама.

— У тебя же промок и вырубился телефон, — хмыкнул Аронов.

Я бросила на него раздраженный взгляд.

— Ярина, сядь.

Светлов не попросил, а отдал приказ стальным безапелляционным тоном.

Он поднялся, обошел стол и поправил мой стул, молчаливо веля вернуться на место.

Я молчала. Внутри все сжалось в тугую ком. Я боялась повернуться. Боялась увидеть его лицо в двух шагах от себя. Боялась, что не увижу там знакомый пустой взгляд.

— Сядь, — повторил Светлов. — Я не люблю повторять дважды.

Страх сменился раздражением и злостью. Почему все пытаются мной командовать? Сначала мама, потом Аронов, потом Дашков включился в игру вместе со своим стукнутым на голову братиком, теперь вот темная версия Светлова!

Я повернулась к Алексею.

— Приятного вечера. Спасибо за гостеприимство.

Я направилась к выходу и, к моему удивлению, Светлов не пытался меня остановить. Но облегчение быстро сменилось шоком, когда я услышала за спиной его ленивый упрек:

— Ты мне ее обещал.

Стоп. Что?

Аронов выглядел как человек, которого застукали за чем-то незаконным, но при этом не вызывающим у него угрызений совести. По всем нормам морали и здравого смысла он должен был испугаться и судорожно начать объяснять, что я все не так поняла. Но ни внутреннего ресурса, ни нужной степени эмпатии для этого не имел, поэтому просто раздражался из-за того, что люди вокруг не умеют вовремя промолчать.

— Обещал?! — Я не собиралась делать вид, что ничего не поняла. — Обещал! Я что, приз в парке аттракционов?

Аронов долго молчал и наконец нехотя ответил:

— Если бы ты сюда не явилась, ничего бы и не было. Какой черт тебя дернул притащиться?

Мозг отказывался переваривать эту информацию.

Ты мне ее обещал.

Обещал как вещь, как товар по бартеру за какие-то услуги!

— То есть проблема не в том, что вы собирались меня продать ему, а в том, что я просто пришла не вовремя?

— Ты все сильно упрощаешь.

— Сядь, — повторил Светлов, уже жестче. Я услышала, как скрипнул паркет под его шагами — он подошел ближе.

Но как бы ни пугал меня Михаил в этом мире, ярость и злость на Аронова были сильнее.

— Да в какие игры вы играете?! Один уже доигрался и где он сейчас?!

Хотя я понятия не имела, где Дашков-старший. Небось готовит месть — он остался без брата в обоих мирах. В одном, как он считал, по вине моего отца. В другом — по моей собственной.

Аронов долго молчал. Я даже подумала, что он и не собирается больше со мной разговаривать, но наконец он медленно произнес:

— Ты была просто предлогом, чтобы привезти его в Петербург. Тебя не должно было быть здесь. Ни в одном сценарии событий ты не могла встретиться с Натали! В Петербурге почти шесть миллионов жителей, и из них всех ты встретила ту, которая привела тебя в единственное место, где тебе нельзя находиться! Вы не могли в ресторан сходить, в конце концов? Или так не терпелось покопаться в моих вещах?

— Не уходите от темы!

— И зачем же вы, Алексей Иванович, — влез в наш спор Светлов, — привезли меня под предлогом информации о... Ярине.

Он с таким жутким наслаждением произнес мое имя, что даже Аронов поморщился.

— Помолчи! — отрезала я. — Хотя вопрос хороший.

— Такая сильная магия, которая меняет мир, не проходит бесследно. Она порождает ошибки, как неверный код в программе. Когда ты на основе работающей программы пытаешься создать совершенно другую, ошибок вылезает очень много. Программа не работает как нужно и приходится откатывать все назад. И вот когда ты делаешь откат, в теории программа должна работать — раньше-то все было в порядке. Но иногда в нее тоже по совершенно непонятной причине закрадываются ошибки. К счастью, их исправить проще, чем с нуля переписать неудачный код.

— Ничего не понятно и не очень интересно. Как легко ты называешь неудачным кодом людей!

Аронов усмехнулся.

— Это, — он кивнул на Светлова, — человек? Ты ведь видела файлы, Ярина, прекрати разыгрывать невинность. У тебя все было написано на лице. Либо ты ужасно боишься пиццы с пепперони, либо вы там точно не ужин заказывали.

— Что бы с ним ни происходило, он не виноват в том, что случилось. Это моя вина! Дашкова, может быть. Но не его!

— Какая разница, если результат налицо? Его никогда не

существовало, слышишь?! Дашков придумал его! После отката к нормальному миру он должен был исчезнуть, но с магией нельзя играть, она меняет мир непредсказуемо! Светлов — ошибка Ветра Перемен. Не самая критичная и легко устранимая. Проверь, я проверил. Никто не будет о нем скорбеть.

— А я?

— А ты свое уже отскорбела. И совсем не по этому человеку, Ярина!

— Это бесчеловечно! Не вам решать, кто ошибка, а кто нет.

— Не мне. Но Дмитрий Дашков уже все решил — и приходится исправлять. Он исчезнет, — Аронов ткнул в Михаила, — и все окончательно закончится.

— Но это будет необратимо! Если он погибнет здесь, уже ничего не исправить.

Слова вырвались прежде, чем я осознала, что этого говорить не стоило. Лицо Аронова вытянулось, он посмотрел на меня с удивлением, а еще как будто оценивающе. Я в один миг стала помехой миру, в котором жива его дочь.

— Необратимо... — медленно повторил он. — Я не верю, что ты можешь желать возвращения того мира.

— Я не желаю возвращения того мира, но... — Я осеклась, понятия не имея, что собиралась сказать.

— Но?

— Чтобы Светлов исчез. Он чудовище, но он здесь.

— У тебя нет никакого выбора, Ярина. В том мире он мертв. В этом он — угроза, в первую очередь для тебя. Хотя и жизни девушек, что были виновны лишь в том, что похожи на тебя, нельзя сбрасывать со счетов. Поэтому просто уходи. Дай мне закончить то, что я начал, и никогда не вспоминай об этой встрече. Забудь обо мне, о моей дочери и об этой тени человека, которого ты любила!

Я не видела, как Светлов схватил нож со стола. Лишь услышала сдавленный вскрик Натали и обернулась. Михаил приставил лезвие к ее горлу.

Говорят, убить человека непросто. Я убила — и не дрогнула, но при помощи магии, едва ли осознавая, что все это по-настоящему. Светлов в этом мире убивать умел. Его рука даже не дрожала, а глаза оставались такими же пустыми, равнодушными, как несколько минут назад.

— Отпусти ее! — приказал Аронов.

Должно быть, ему стоило немалых усилий сохранять спокойствие. Потеряв дочь однажды, он снова рисковал ее жизнью.

— Назови хоть одну причину, по которой я должен это сделать, — криво усмехнулся Светлов. — Учитывая то, что мы сейчас слышали. Иногда в ловушку попадает охотник. Такова жизнь.

Я видела, как под лезвием ножа пульсировала жилка на шее девушки. Кровь еще не пошла, но в любую секунду сталь была готова прорезать кожу. Натали это знала, чувствовала,

но смотрела на меня безо всякого страха.

— Беги, — одними губами произнесла она.

Я покачала головой.

— Заткнись! — Светлов поднял нож, вынуждая Натали запрокинуть голову сильнее.

— Беги! — Натали сорвалась на крик. — Найди Дашкова!

Она не договорила, лезвие вошло ей в шею, из горла вырвался короткий вскрик. Аронов молнией взметнулся со стула и подскочил к Светлову. Я заколебалась. Нужно было помочь Натали, вызвать скорую...

— Да беги же! — заорала она, зажимая шею. — Найди его и верни все на место!

Не став ждать, пока Светлов отобьется от Аронова, я рванула к двери, вылетела в парадную и понеслась вниз по лестнице, едва не поскользываясь на мраморных ступеньках. За приоткрытой дверью что-то грохнуло, но я не стала оборачиваться.

Выскочила на улицу, прямо под дождь. Капли хлестали по лицу. Я понеслась, не разбирая дороги, петляя и сворачивая в какие-то дворы и подворотни. Легкие горели, в боку закололо. Через несколько кварталов я остановилась, спряталась за мусорными баками и попыталась отдышаться.

Прислонившись спиной к холодной и мокрой кирпичной стене, я закрыла глаза. Дождь барабанил по крыше над головой. Где-то вдали выла сирена. Может, ехала к дому Ароновых? А может, на обычный рядовой вызов.

Может ли выжить человек с таким ранением, как у Натали? Я знала анатомию еще хуже истории. По идее, если не задета артерия — шансы должны быть. Но теперь Аронов меня не отпустит. Светлов — тем более, если вообще он еще жив.

Я застонала от бессилия и усталости.

Какой смысл теперь возвращать магический мир? Если Натали мертва — ее желание сбылось, она больше не превращается в монстра. Если мертв Светлов, то даже обратив Ветер Перемен вспять еще раз, вернуть его не получится.

Лучшим решением было бы идти в полицию. Рассказать им все как есть: что познакомилась с новой подружкой, пошла к ней в гости, вернулся ее отец с ненормальным маньяком, тот убил подругу, напал на хозяина дома, я убежала и прошу помощи. Если Светлов мертв, Аронова посадят за превышение самообороны, и все сильно упростится. Правда, он выйдет и отомстит. Но, может, я успею сбежать и сжечь мосты — и он просто не найдет меня?

И все же что-то не давало сдаться. Может, безвыходность положения толкала к бессмысленной борьбе. А может, интуиция нашептывала: «еще ничего не кончено».

Я вытерла мокрое лицо рукавом, нашла ближайший с козырьком и полезла в сеть.

Я уже искала Дмитрия Дашкова в соцсетях. В российских, в зарубежных, везде. Совпадений по именам было много, но никаких совпадений по фото. Тогда я просто решила, что Дмитрий не сидит в сети, не стала проверять пустые и закры-

тые профили. Но сейчас не осталось выбора. Я вновь вбила в поиск “Дмитрий Дашков” и каждому найденному профилю отправила одно и то же сообщение:

“Мне нужно поговорить. Это важно. Пожалуйста”.

Батарейка мобильного угрожающе мигала красным. Наличных денег на такси не было, но в кармане джинс остался проездной — и я побрела в сторону метро.

Куртка осталась у Ароновых. Было адски холодно, платье промокло насквозь, но я все равно старалась идти дворами, подальше от основных улиц. Холод и усталость помогали не думать о том, что случилось. Но я знала, что как только приду домой, приму горячий душ и, упав в постель, закрою глаза, снова увижу жуткую картину.

Никто не заслуживает пережить то, что пережил Аронов. Он потерял дочь дважды, сначала в мире, который создал Дашков. Теперь по моей вине, уже окончательно.

Я понятия не имела, что скажу Дашкову, если вообще его найду. Он был единственной ниточкой к Ветру Перемен. Натали считала, что я смогу использовать эту силу. Аронов верил, что это возможно — иначе почему так испугался моего нежелания терять Светлова?

Оставалось понять, как заставить Дмитрия Дашкова мне помочь.

Ведь я убила его брата.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Телефон разрядился еще до метро и только каким-то чудом не вымок. Когда я вошла, родителей не было. Я открыла дверь с затаенным страхом, ожидая увидеть там Аронова или полицию. Но мама сегодня дежурила в неотложке, а папа был на сутках — и мне предстояло ночевать одной, что было как нельзя кстати.

Я быстро приняла горячий душ и влила в себя несколько кружек имбирного чая с медом. Не хватало еще простыть.

Вообще стоило собрать вещи и сбежать, но я не имела представления, куда пойду и как спрячусь от закона. А в том, что Аронов задействует полицию, я не сомневалась. Если он жив, конечно. Если нет — то Светлов найдет меня еще быстрее, чем полиция, и тогда мне конец.

Ситуация тупиковая.

Дождавшись, пока индикатор аккумулятора покажет десять процентов, я включила телефон. И сердце екнуло, увидев цифру “5” на счетчике входящих сообщений.

“Мы знакомы?”

“Вы ошиблись”

“С удовольствием поговорю, красотка, чем занимаешься?”

“Иди нахрен”

“О чем?”

Ни один из этих Дашковых не узнал меня. Или узнал, но сделал вид, чтобы отвести подозрения — проверить я точно не смогу.

Беглый поиск не дал никаких новостей про убийства или потасовки у Ароновых. Даже не знаю, давало это надежду, или наоборот. Если Алексей все же справился со Светловым... то есть ли вообще смысл пытаться что-то изменить? А если нет...

Я похолодела, поняв, что если Светлов убил в этом мире Аронова, то в мире Игр Огня он возродится монстром, похуже Аспера. С его-то характером.

— А-а-а-а, твою же ма-а-ать! — не выдержала я и заорала на люстру.

Как все сложно!

Нельзя играть со временем и с реальностями! Иначе получаются вот такие запутанные парадоксы!

Соседи сверху постучали по батареям. Ну естественно.

Завибрировал телефон: пришло очередное сообщение. Без особой надежды я глянула на экран и едва не выпустила его из рук.

“В каком же ты отчаянии, раз обратилась ко мне..))))”

Это был Дмитрий, вне сомнений. Следовало заподозрить неудачную шутку или нечто подобное, но интуиция на этот раз не шептала, а кричала: Дмитрий.

“Сегодня я встретила Михаила”

“Понравилось?”

“Его надо остановить”

“Иди к ментам, я здесь причем?”

“Мне нужен Ветер Перемен”

Сообщение долго оставалось прочитанным без ответа. Едва дыша, я ждала. Наконец появилось “Дмитрий печатает...” — и казалось, он делал это целую чертову вечность!

“Пошла ты в задницу, Ярина Огнева. Что тебе нужно — так это закатать губу”.

“Пожалуйста!”

“Ты сама хотела вернуться. Вот он, твой привычный мир. Нравится?”

Я замерла, не зная, что ответить. Сложно просить об одолжении того, с кем так долго боролась. Я разрушила мир Дмитрия, убила его брата, вернула реальность, в которой Аспер погиб. А теперь прошу его помочь. Согласилась бы я сама на это? Не думаю.

“Не нравится. Ты изменил целый мир, чтобы твой брат был жив. Тебе было больно, и ты нашел способ создать реальность, в которой боль ушла. Мне тоже было больно. И я тоже думала, что в другой реальности больно не будет. У меня не получилось. А у тебя?”

Дашков как будто ждал мой ответ и вообще не стал его читать: через секунду пришло сообщение с текстом:

“Наб.р.Фонтанки, 101, во дворе темно-зеленая дверь. У тебя полчаса. Опоздаешь хоть на минуту — поцелуешь закрытую дверь”.

Сердце пропустило удар. Я тут же вызвала такси и стремглав метнулась одеваться. Возможно, это была ловушка, возможно Дашков просто хотел поиздеваться. Но ровно через двадцать четыре минуты я стояла возле темно-зеленой двери в старом питерском дворике и ежилась от промозглого ветра, тянущего с реки.

Я стучала, пока не онемели пальцы. Каждую секунду смотрела на часы и на время сообщения от Дашкова, чтобы убедиться, что не опоздала. А он все не открывал и не открывал.

Наконец за дверью что-то скрипнуло.

В нос ударил резкий запах сигарет.

— Хреново выглядишь, — хмыкнул Дмитрий, пропуская меня в .

Сам он, впрочем, тоже не напоминал холеного бизнесмена, которого я встретила в самолете. Одетый в свободные штаны и футболку, со следами бессонных ночей на лице, он выглядел как человек, который устал от жизни. Пока мы поднимались в квартиру, он не стеснясь закурил.

— Соседи не ругаются? — зачем-то спросила я.

— Я выкупил всю парадную.

— Ого. Должно быть, спустил кучу денег.

Бессмысленный какой-то разговор.

Мы поднялись на второй этаж, дверь в одну из квартир была открыта. Передо мной предстала обычная бывшая коммуналка. С неплохим, хотя и устаревшим ремонтом, дере-

вянной мебелью, когда-то бывшей роскошной и наверняка жутко дефицитной плиткой.

Дашков прошел в гостиную с эркером, в другой ситуации вызвавшем бы у меня восторг. Но сейчас хотелось оказаться где угодно, только не в этой прокуренной квартире.

— Слушаю, — сказал Дмитрий, сев за стол.

И я рассказала всю историю с начала. Как искала Светлова и отчаялась найти, как город словно сошел с ума, как Натали меня разыскала и по какой причине сделала это, как мы увидели материалы Аронова о Михаиле и как он привел его домой, заманив обещанием сдать меня. Дашков слушал с непроницаемым выражением лица, а когда я закончила, спросил:

— И чего ты от меня хочешь?

— Измени мир снова.

— Зачем это мне?

Я сникла.

— Не знаю. Я надеялась, ты поймешь.

— Нет, Ярина, я не понимаю. В том мире у тебя был шанс на счастье. Михаил Светлов — правильный мальчик с чувством юмора, лендлорд, который, чтобы быть рядом с возлюбленной, притворялся обычным голодранцем. Ты могла ответить ему взаимностью — и счастливо бы жила на Петроградке, в статусе жены зажиточного мага воды. Работать? Не нужно. Учиться? Только формально, отрабатывая обязательную государственную программу. Что тебе было не так?

— Ты прекрасно знаешь, что! Твой брат!

— Мой брат тебя не трогал...

— Ложь! Аспер с первой нашей встречи затеял игру со мной! Это ты дал ему воспоминания о детстве, которое мы провели вместе, это ты придумал ссору, которая не давала ему покоя! И когда я записалась на игры, эти воспоминания толкнули Аспера на издевательства надо мной! Светлов просто хотел меня защитить — и погиб.

— Я не давал ему воспоминания о тебе, — ответил Дмитрий. — Они появились сами.

— Что значит появились сами?

— Ветер Перемен не так-то просто контролировать, как тебе кажется. Да, он может изменить мир по воле того, кто им владеет, но мир — штука сложная. Начинаешь менять одно — оно цепляет другое, и в конце концов появляются ошибки.

— Аронов говорил то же самое.

— Еще одна ошибка Ветра Перемен. Проклятье!

Дашков потер лицо ладонью.

— Ошибок было много.

— И ты хочешь наделать еще. Ради чего, Огнева? Светлова? Думаешь, если менять мир туда-сюда, рано или поздно оживет его нужная версия? А ты не боишься, что в новом мире он вернется еще более страшным монстром, чем был Аспер?

Я закусила губу. Дашков высказал мысль, которая мучила

меня с момента встречи с Натали. Что будет с Михаилом в новом мире, если в этом он лишился души?

— Там я могу себя защитить, — тихо сказала я. — Там есть магия, которой я могу пользоваться. Здесь нет. Он одержим мной. Я видела фотографии его жертв — они моя копия! Мне что, просто сидеть и ждать?

— Иди в полицию.

— А Аронова? Ты ведь знаешь, что она такая же, как Аспер и Светлов. И это ее мучает!

— Так пусть спрыгнет с моста!

— Чем дальше все заходит, тем сложнее ей с собой бороться.

Я не стала говорить, что Натали, вероятно, мертва. Почему-то показалось, что именно ее имя заставило Дашкова засомневаться. Что-то в его облике, в голосе, в глазах изменилось.

— В этом мире живут два чудовища, в появлении которых виноваты мы.

— Ты.

— Твой брат. Он убил Михаила и Натали. Аспер это сделал! Ты не можешь просто отмахнуться от последствий! Ты ведь не этого хотел, меняя мир!

— ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, ЧЕГО Я ХОТЕЛ! — рявкнул Дмитрий так, что я подскочила.

Он поднялся и быстрым шагом вышел, оставив меня в звенящей тишине. Такой пустой, что я слышала, как бьется соб-

ственное сердце.

Его не было минут десять. Я уже почти решила пойти поискать Дмитрия в недрах квартиры, но вдруг он вернулся — одетый в кожаную куртку с капюшоном поверх того же домашнего костюма и армейские массивные ботинки.

— Я, Огнева, усвоил урок: реальность меняется — боль внутри остается. Ты, похоже, нет. Но не мне тебя воспитывать, я бы с удовольствием придушил тебя, да не хочу садиться. Паршивая жизнь выглядит приятнее, когда у тебя на счету пара сотен лимонов. Поэтому будь по-твоему. Я помогу тебе. Но есть одно условие.

От волнения у меня похолодели руки. Я спрятала их в карманы куртки, чтобы скрыть дрожь, но вряд ли этот наивный жест обманул Дмитрия.

— Что за условие?

— Однажды, в том новом мире, каким бы он ни был, я приду к тебе и что-то попрошу. Не знаю, что именно, и когда это будет. Но что бы я ни захотел — ты мне это дашь.

— А если я не смогу...

— Сможешь, Огнева. Я попрошу то, что будет в твоей власти. Но сейчас ты поклянешься, что исполнишь мое желание. Я вплету твою клятву в само мироздание, и если ты решишься меня обмануть — сильно пожалеешь. Такое условие. Готова?

Поколебавшись, я кивнула. Даже если бы Дашков сейчас, как в сказках, потребовал пообещать ему моего первенца —

я бы согласилась, слишком далеко все зашло. Я слишком запуталась.

— Идем, — бросил он, направляясь в коридор.

Я едва успела выскочить следом в парадную. Вопреки ожиданиям Дмитрий направился не к выходу, а стал подниматься наверх. Дойдя до чердака, он извлек из кармана ключ и отпер дверь, ведущую на крышу.

— Ну? Ты идешь? — Он сделал приглашающий жест. — Или боишься, что я заманю тебя на крышу и сброшу? Врать не буду: такая мысль мне приходила. Но я уже говорил, что не хочу сидеть из-за тебя. Давай быстрее, пока я не передумал, Ветру Перемен нужна высота.

В прошлый раз он сработал, когда мы были в самолете. Я вспомнила, как нас трясло и поежилась.

Было дико холодно. Дождь хлестал по щекам, ветер жутко завывал в трубах. Над крышами сгустились темные тучи. Я вспомнила, как мы со Светловым сидели на крыше коммуналки и ели шоколад, который я ненавидела. Сейчас я бы отдала душу за то, чтобы он снова его принес.

— Мы не будем придумывать мир? — спросила я, стуча зубами.

— Все уже придумано. Ветер Перемен помнит все миры, которые менял.

— Значит, наш не первый?

— Удивительная способность: считать себя исключительной во всем. Раз подобная магия существует и я умею ей

пользоваться, значит, наверное не первый? Слышала что-нибудь о древних цивилизациях? Об эффекте Манделы?

Я кивнула. О феномене, когда весь мир помнит одно, а реальность подтверждает другое, я в свое время много читала. Я до сих пор помню монокль у человечка на коробке с “Монополией”, хотя и знаю, что его никогда там не было.

— Откуда ты знаешь, как управлять этой силой?

— Долго учился. В детстве я обнаружил, что умею изменять реальность вокруг себя. Прогулял школу — а все помнят, будто я там был. Потерял деньги — а наутро они лежат прямо на столе.

— Стесняюсь спросить, а разбогател ты каким образом?

— Стеснительность тебе идет, — усмехнулся Дмитрий. — Помалкивай под ее влиянием почаще.

Он подошел к самому краю и задумчиво посмотрел вниз.

— Низковато. Но должно хватить.

— Чего хватить?

— Название “Ветер Перемен” тебе ни о чем не говорит? Ветер, Огнева, ему нужен воздух, чтобы набрать силу. Чтобы изменить наш мир, потребовалось запускать его из самолета на высоте десять тысяч метров. Но мы не меняем мир, а откатываем его к одной из версий, значит, по идее, настолько высоко можно не лезть.

Я подошла к краю и встала рядом с Дмитрием.

— Почему ты изменил весь мир, если мог просто сделать Аспера живым?

— Потому что смерть — единственная зафиксированная точка во Вселенной. Ее нельзя просто так изменить. Чтобы отменить смерть, нужно изменить всю цепочку, которая к ней привела. Пришлось покопаться в твоей жизни, сделать так, чтобы твой отец никогда не имел дел с огнем.

— А для верности сделать огонь самой слабой магией?

— Пусть будет так. — Он пожал плечами. — Это сложный процесс. Тот, кто обучал меня управлять этой силой, перед смертью умолял никогда не отпускать Ветер Перемен. Жаль, не объяснил, почему. Ты готова?

— Что мне надо делать?

— Ничего. Просто жди. Думай о Светлове. Возможно, магия вернет его для тебя. Быть может, изменит его смерть.

— А Аспер? — Я посмотрела на него, но лицо Дашкова было скрыто под капюшоном.

— Аспер заслужил покой. Возвращать к жизни любимых — высшее проявление эгоизма, Ярина Огнева.

Он извлек небольшие часы на цепочке. С негромким щелчком крышка открылась. Красивые изящные стрелки рассыпались в пыль, поднялись золотистыми искрами в воздух и окружили нас.

Невероятное зрелище: посреди темно-серых питерских крыш в воздухе рассыпался сноп золотых искр. Они стремительно закручивались в вихрь, и вскоре превратились в настоящий ураган, сорвавшийся с крыши.

Как зачарованная, я наблюдала за накрывающей Петер-

бург магией. Искры, казалось, впитывались в само пространство, меняя привычный облик на другой... тоже привычный.

Магический Петербург возвращался — и я вдруг ощутила, как внутри расцветает восторг. Я почти физически ощущала, как по венам начинает течь магия.

Пора было перестать врать хотя бы себе: не только Михаил Светлов был тем, что тянуло меня обратно. Но и это ни с чем не сравнимое пьянящее чувство могущества.

Из незаметной бессильной букашки я превращалась в Ярину Огневу — мага огня, капитана команды огня на Играх Стихий, студентку Школы Огня.

В выдуманном мире магия может работать как угодно.

Я вдруг почувствовала сильный толчок в спину и поняла, что теряю равновесие.

Земли уже не было видно — только золотые вихри, окутавшие город.

— Извини, не удержался. И кстати — Ветер Перемен можно отменить лишь единожды. Сейчас он меняет мир окончательно, — услышала я насмешливый голос Дашкова, падая в самый центр вихря магии под названием Ветер Перемен.

***

Я проснулась, хватая ртом воздух. В горле страшно пересохло, я закашлялась и нащарила чашку с водой, стоявшую на прикроватной тумбочке. Мозг не сразу осознал, что падение с крыши мне лишь приснилось. Меня трясло несколько минут прежде, чем я откинулась на подушку, тяжело дыша.

Сон, Ярина. Всего лишь сон.

Только что именно? Встреча с Натали? Светлов с безумным пустым взглядом? Дашков с его магией?

Я сунула руку под подушку, чтобы посмотреть время, но телефона не было.

Сев в постели, чтобы отыскать смартфон, я вдруг поняла, что нахожусь не дома.

Запахи, звуки, ощущения — все было другое. В полной темноте обстановка комнаты, где я проснулась, угадывалась с трудом, но воображение услужливо дорисовало детали.

Я вскочила и бросилась к окну. В небе сиял яркий полумесяц. Его света хватило, чтобы рассмотреть обстановку, и я ахнула: это была спальня Светлова в коммуналке!

— Получилось! — выдохнула я. — Он это сделал!

Я бросилась к двери, но на полпути остановилась, поняв, что выбегать в коридор коммуналки в дурацкой старомодной сорочке глупо. Пришлось потратить время и одеться. Когда я вышла в коридор, то услышала приглушенные голоса из-за соседней двери, закрытой не до конца.

На цыпочках прокравшись к комнате родителей, я приблизилась и прислушалась.

— Теперь ты понимаешь, почему я была против ее участия?

— Я тоже не в восторге, — это был папа, — но она уже взрослая. И пусть это прозвучит ужасно, но теперь мне будет за нее спокойнее... Бедный мальчик, но теперь, после его

гибели на опасность игр наконец-то обратят внимание. Его родители ведь дружны с императорской семьей...

Я едва не застонала от отчаяния. Не сработало! Михаил не вернулся. Погиб на играх, а я просто вернулась в ту же точку, что и до пожара. Проклятье!

Отчаяние сменилось яростью, и я едва удержалась от того, чтобы не ударить кулаком стену. На кончиках пальцев вспыхнули огоньки пламени, и я понеслась в ванную, чтобы потушить их прежде, чем случилась новая трагедия.

В ванной я долго умывалась ледяной водой. Посмотрела в треснувшее мутное зеркало и до боли стиснула зубы.

— Вот тебе твой мир, Ярина. Живи в нем, как сумеешь.

— Яриш?

Я вздрогнула, но то был лишь отец. Он с явным беспокойством за мной наблюдал.

— Ты в порядке?

Интересно, в этой реальности я тоже получила коммуналку в наследство? Может, хоть за деньги и родителей больше не придется волноваться?

— Все нормально, пап. Я просто устала.

— Понимаю. Мы с мамой волнуемся. Испытание выдалось непростое, гибель твоего друга... нам очень жаль, правда.

— Я знаю. Мне тоже.

Я смахнула набежавшие на глаза слезы.

— Детка, ты не опоздаешь? — Папа посмотрел на часы,

при виде которых я вздрогнула — так они напоминали те, из которых Дашков выпустил Ветер Перемен.

— Куда опоздаю? — Я нахмурилась. — Прости, я что-то так устала, что не соображаю.

— На этап. Сегодня ведь последний этап игр, я думал, что ты уже готова выходить. Хотел проводить тебя. Зачем вообще они проводят этап ночью?

— О... черт! Я...

— Ярина... — Папа укоризненно покачал головой. — Я не одобряю твоего участия в играх, но капитан не может бросить команду в самом финале. Тебе еще почти три года учиться с ними бок о бок. Ты горюешь, я знаю, но ты почти неделю не выходишь из комнаты Михаила... Его нет, но он вряд ли бы одобрил твое затворничество. Если хочешь, я могу...

— Нет! — Я тряхнула головой. — Я готова. Идем. Этап так этап. Плевать, все равно в этом нет никакого смысла.

Если Аспер жив, если Дашков переписал его смерть и пожар в Петербурге — совершенно неважно, приду я на испытание или нет. Безумный ублюдок продолжит свою игру.

Точнее, попытается.

Я смогу донести до его брата, что если он не урезонит Аспера, то потеряет его в третий раз. На этот раз окончательно. Если Дмитрий не соврал о необратимости Ветра Перемен, конечно.

Аспер заслужил покой. Возвращать к жизни любимых —

высшее проявление эгоизма.

Я нервно рассмеялась. Даже не хочу знать, специально Дашков вернул мир в точку до смерти его брата или это получилось само собой.

Ночь выдалась многолюдная. Взбудораженный финалом игр, Петербург не спал. Над каждой площадью парила иллюзия — снова и снова повторяли самые яркие моменты игр. Я старалась не смотреть в ту сторону, чтобы ненароком не разреветься.

То там, то тут вспыхивала магия. Огненной видно не было, ее так и не реабилитировали, хотя наверняка мое выступление на дуэлях вызвало пересуды.

— Пап, а давай переедем? — вдруг вырвалось у меня.

— Что? С чего вдруг?

— Ты же предлагал переехать. Давайте уедем? В Омск, в Смоленск, в Москву — да куда угодно отсюда! Давай, а? Пожалуйста!

— Яриш, мы не можем взять и уехать, ты учишься.

— Переведусь!

— Никто не позволит тебе перевестись, это против правил.

— Я добьюсь! Позволят! Давайте уедем, прошу. Игры закончатся — и рванем, деньги не проблема, за игры я немного скопила. Подыщем небольшую отдельную квартирку. Ты сможешь работать, мама... мало, что ли, богатых домов, где пригодится горничная с опытом работы у Дашковых? Я тоже

найду работу!

Папа вздохнул и покачал головой.

— Поговорим об этом, когда закончатся игры, хорошо?

Мы дошли до Невского и вывернули напрямик к “Зингеру”, при виде которого меня замутило. Нет, оставаться в этом городе я не могу. Каждая улица здесь — воплощение кошмара.

Свернув на Литейный, а через несколько кварталов на улицу Некрасова, мы еще издали увидели толпу газетчиков, поджидавших участников игр. Папа задумчиво нахмурился, а я вспомнила, как Светлов тащил меня через толпу и снова ощутила, как внутри все сжалось.

— Знаешь, давай-ка я их отвлеку, а ты проскользнешь.

— Нет. — Я покачала головой. — Иди домой. Я сама.

— Яриш, я волнуюсь.

Я заставила себя улыбнуться.

— Не переживай больше ни о чем. Один человек научил меня классной философией.

— И какой же?

— Пользоваться магией, чтобы облегчить себе жизнь совсем не зазорно. Иди домой. Я справлюсь.

Папа посмотрел на меня как-то странно, не то с тревогой, не то с жалостью.

— Ты изменилась, Яриш. И я хотел бы верить, что всего лишь повзрослела, но не могу отделаться от ощущения, что просто сломалась.

— Не сломалась, — тихо ответила я. — Но устала. Это пройдет.

— Будь осторожна, ладно? — Папа поцеловал меня в макушку. — Вернись. Победив или проиграв — просто вернись, ладно?

Я с трудом улыбнулась.

— Конечно.

Я повернулась к газетчикам и громко крикнула:

— Отойдите!

Разумеется, никому из них и в голову не пришло посторониться, они бросились ко мне, как стадо голодных крыс к выброшенному на помойку куску мяса.

— Я предупреждала, — пожала плечами я.

Развела руки в стороны, призывая магию. Газетчики бросились врассыпную, увидев пламя. Две стены огня проложили дорогу от места, где мы стояли, до особняка, в котором планировалось испытание.

Никто не решился ничего выкрикнуть или переступить через стену огня. Я беспрепятственно прошла к двери и взялась за ручку. Прежде, чем войти в дом, я повернула голову, чтобы посмотреть на отца.

По всем законам он должен был смотреть на меня с гордостью, но на его лице отчетливо читалось беспокойство.

Но я не стала об этом думать.

Сейчас я могла защитить себя и родных — это достаточная компенсация за сожженное в пепел сердце.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— А ты любишь эффектно появляться, — услышала я.

Кейт. Вот уж кого я была рада услышать.

Все они были здесь: Вишневские, Воронцов и Сергей Аронов. Ждали опаздывающего капитана.

— А по вам я скучала.

— В каком смысле? — удивленно вскинула брови Кейт.

— Забудь. Так что у нас сегодня на повестке? Что здесь творится?

Вместо ответа Кейт жестом показала на стеклянную витрину в центре зала. За стеклом я увидела пять песочных часов. Отсчет еще не шел и вообще не было понятно, как именно их запустить и нужно ли.

— Были какие-нибудь указания от Дашкова?

— Неа. Мы все получили письмо с приглашением на последний этап и адресом. А когда пришли увидели это. Ждали только тебя, но, если честно, никаких интересных мыслей никто не высказал.

— Я высказал, — возразил Воронцов, — напомнил, как сильно вас всех ненавижу.

— Мог бы и не напоминать, у тебя это на роже написано, — сказал Сергей.

Я улыбнулась. Хотя что-то в этом безумном мире не изменилось: Аронов подначивает Воронцова, тот психует из-за

того, что не просто вынужден участвовать с нами в испытаниях, но и побеждает там. А Кейт и Александр хранят тайну своего проклятия, и я вижу в их глазах ставший привычным страх. Каждую минуту они боятся оказаться порознь друг от друга, и этот страх мучает их с самого рождения.

Я осмотрела зал, в котором оказалась. Ничего особенного он из себя не представлял, обычная комната в старом особняке. Скрипящий местами потертый паркет, высокие потолки, обитые зеленым шелком стены и несколько ничем не примечательных картин с улочками Петербурга. Гостиная как гостиная, если бы не отсутствие каких-либо дверей во внутренние помещения особняка. Только та, через которую я вошла.

Оставалась только витрина с часами.

— Может, разобьем? — предложил Сергей.

— Я бы не стал, — откликнулся Александр. — Окажется, что это просто любимая коллекция хозяина, выставят счет, напишут обидную статейку в газете.

На шутку никто не отреагировал, и он, пожав плечами, вернулся к привычному занятию — сел в углу и зевнул.

Я подошла к витрине и приложила ладонь к стеклу. На ощупь оно показалось ледяным, и невольно возникла мысль, что если применить магию огня — то стекло треснет. Возможно, в этом и был смысл испытания. Но мог быть прав и Александр. Сломаешь чужую собственность, разорутся...

— Полагаю, часы все же нужно перевернуть, — сказала

Кейт. — И другого выхода, кроме как разбить витрину, я не вижу. Давай, Ярина Огнева, командуй, ты же капитан.

Я открыла было рот, чтобы ответить, но в этот момент раздался негромкий щелчок и первые часы в витрине перевернулись, а я вдруг ощутила странную тревогу, хотя для нее не было никаких причин.

— Имена! — первым догадался Александр. — Часы запускают наши имена.

Пожав плечами, я громко произнесла:

— Кейт Вишневская, Александр Вишневский, Владимир Воронцов, Сергей Аронов.

Следом за первыми часами пришли в движение остальные. Тонкие струйки побежали из верхней колбы в нижнюю. Пять песочных часов запустились одновременно — и одновременно остановились через несколько секунд.

Витрина бесшумно отъехала в сторону. За ней открылась небольшая ниша, внутри которой лежал конверт. Кейт протянула руку первой, но я ее остановила.

— Погоди.

— Почему?

— Это же игры Дмитрия Дашкова. Я ему не доверяю. Не после того, что случилось. Лучше я сама.

— Но Дашкову сейчас точно не до игр, они бы не стали...

Я была так погружена в собственные мысли, что не обратила внимание на странность этой фразы. Протянула руку и осторожно взяла конверт, но... ничего не произошло. На

сургучной печати алого цвета виднелся оттиск в виде языков пламени. Распечатав конверт, я увидела открытку.

— Отдай то, что горит внутри, взамен получишь вход. Игры кончатся, ты победишь, когда час во тьме истечет.

— В целом, все понятно, — хмыкнул Воронцов. — Непонятно только что именно понятно.

— То, что горит внутри... Лично у меня горит жопа от того, что они не отменили игры! — возмущенно потрянула роскошной копной волос Кейт. — Мы скорбим, между прочим, вместе со всем государством!

— Скорбим... — эхом откликнулась я.

Сердце снова противно заныло.

— Жопа не внутри, а снаружи, — сказал Александр. — А внутри у нас горит магия. Стыдно не знать, в твоём-то возрасте.

— И что это значит? — нахмурился Воронцов. — Отдать магию?

— Похоже на то, — кивнула я.

В нише под конвертом обнаружили пять небольших отверстий, по форме напоминающих замочные скважины. Но ключей к ним не прилагалось.

— Усилители, — первая догадалась Кейт. — Мы должны отдать усилители.

— А морду вареньем не намазать? — возмутился Воронцов. — Остаться без возможности использовать магию на последнем этапе? Нас же там просто убьют! Аспер Дашков

был...

— Как будто у нас есть выбор, — сказала я. — Можем сдать и повернуть обратно, как раз газетчики еще не разошлись. Готовы к позору? Команда огня проиграла последний бой, не вступив в него.

— Может, это и будет к лучшему, — вздохнула Кейт. — После того, что случилось, нас и так не очень-то любят. Програвшие хотя бы не мозолят глаза.

— Нет уж! — Александр был не согласен с сестрой. — Нас могут называть как угодно, но трусами — ни за что!

— Это идиотизм! Мы и так самые слабые. Думаешь, нас не называли трусами? И ты предполагаешь отдать единственную силу, которая у нас есть?

— Именно потому что мы маги огня, — сказала я, — у нас больше шансов пройти испытание, не связанное с магией. Другие команды будут чувствовать себя дерьмово без своих сил. А мы привыкли. Что бы ни ждало нас дальше, магия не понадобится.

Я умолчала о том, что у меня-то она останется. На всякий случай.

— Или наоборот. И оставшись без нее мы сдохнем! Учитывая то, что случилось... да еще и твое появление, вот зачем тебе понадобился этот спектакль?! Мало к нам внимания? Ты вообще газет не читаешь?

Я открыла было рот, чтобы спросить, что Воронцов имеет в виду, но Кейт решила наш спор радикально: подошла к

нише первой и вставила янтарную палочку в одно из отверстий. Раздался негромкий щелчок, палочка скрылась в недрах витрины, а Кейт вдруг, охнула и осела — брат подхватил ее и подвел к креслу.

— Мерзкое ощущение, — прошептала она.

Я последовала ее примеру. В ту же секунду, когда палочка вошла в разъем, я почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Сила и уверенность, которые я ощущала с момента возвращения в этот мир, вдруг исчезли.

Холод пробрался под кожу, хотя в зале было тепло. Я потерла руки и и украдкой от остальных попыталась вызвать искры из пальцев — но ощутила лишь легкое покалывание.

Парням ничего не оставалось, как последовать за нами. Воронцов колебался дольше всех. Стоял, сжимая палочку до побелевших костяшек, и в его глазах был настоящий страх. Прежде подобного в нем я не замечала. Страх был совсем не похож на тот показной, которым он прикрывался раньше. Настоящий, липкий ужас перед миром, который вдруг так резко перевернулся.

Отчасти я его понимала — мой мир перевернули точно так же. Хотя вопросы, почему Воронцова так потрясла гибель Михаила, учитывая, что они даже не были толком знакомы, возникали.

— Ничего себе... — присвистнул Александр, переваривая новый опыт. — Я никогда не был без магии. Это довольно хреново. Почти как разделение с Кейти.

— Никто из нас не был, — ответил Сергей.

Воронцов, наконец, решился, выдохнул и вставил усилитель в отверстие. Его лицо побелело, он отошел к стене и оперся на нее плечом.

Когда последняя палочка исчезла в нише, песочные часы снова ожили и начали отсчитывать время. Несколько минут Кейт, жестом велел нам умолкнуть, наблюдала, а потом изрекла:

— Они отсчитывают час.

Вот это суперспособность. Такую ни одна магия не даст.

— Но час на что? — нахмурился Аронов.

Стена позади нас дрогнула и начала расходиться в стороны — она оказалась всего лишь фальшивой панелью. За ней обнаружили пять черных проемов, в которых не виднелось ничего, кроме непроглядной тьмы. Даже свет из зала, в котором мы находились, не проникал внутрь, словно тьма была материальной. Живой.

— Вот черт! — выругался Александр.

Все было понятно без слов. Пять входов, пять участников команды. Нам придется разделиться.

Кейт и Александр переглянулись. Их проклятие требовало находиться рядом, и сейчас игры отправляли их в неизвестность порознь.

— Нарушим правила? — спросила Кейт. — И умрем?

— Подожди-ка!

От внезапной догадки я едва не подскочила.

— Ваше проклятие — это магия! А магию мы только что отключили. Все должно быть хорошо.

— А если нет? — Кейт закусил губу.

— Давайте сначала проверим? — предложил Сергей. — Если проклятье действует, то просто откажемся проходить испытание. Бездна с ними, с играми!

Я кивнула. Подошла к двери, ведущей на улицу и немного приоткрыла. Так, чтобы увидеть, что происходит снаружи, но, если вдруг газетчики не ушли, чтобы не успели увидеть меня. И каково же было мое удивление, когда я поняла, что всех их растолкала стража. Улица оказалась оцеплена, в каждом конце стояли по три стража, их неподвижные фигуры внушали легкую тревогу. Вряд ли нас защищали от прессы.

Людей от испытания? Случайных прохожих от того, что могло вырваться из дома?

Или от меня...

Воронцов был прав. Зря я позволила выходку с магией. Нельзя забывать, что в этом выдуманном мире мне теперь жить.

— Иди, никого.

Кейт вышла за дверь и закрыла ее за собой. На всякий случай я просунула между дверью и косяком руку, чтобы случайно не закрылась. Мало ли, какие у них здесь механизмы.

Александр ждал.

Шли минуты, песочные часы отсчитывали драгоценное время, но ничего не происходило.

— Чувствуешь что-нибудь? — спросила я.

— Только пустоту без магии. Никаких проявлений проклятья.

Я снова выглянула наружу: Кейт дошла до конца улицы и о чем-то беседовала со стражником. Увидев меня, она кивнула и направилась обратно.

Значит, я была права. Проклятье связано с силами Кейт и Александра, а без них они совершенно обычные.

Вскоре мы снова оказались напротив дверей, ведущих в неизвестность. Тянуть дальше не было смысла, время неумолимо уходило.

— Как думаете, там что-то есть? — спросила Кейт.

— Уверен, — ответил ей брат. — И что бы там ни было, оно будет на нас охотиться.

— Не нагнетай, — посоветовал Сергей.

А я вдруг вспомнила одну игру из привычного мира. Когда индустрия развлечений пресытилась эскейп-квестами, она изобрела перфомансы. И был среди них тот, в котором участники в полной темноте передвигались по старому дому, прячась от актеров, снабженных очками ночного видения. Актеры их старательно пугали, а бедняги хаотично носились, стукаясь о всевозможные углы — к счастью, обитые поролоном как раз на такой случай.

Дашков уже брал для игр классические квест-комнаты и мафию, почему бы ему не взять и подобные прятки?

— Может, тьма реагирует на страх? — предположила

Кейт.

— Полагаю, наша задача — за час найти из нее выход, — решительно произнесла я. — Внутри определенно что-то будет. И это что-то нас напугает. Старайтесь не обращать внимания. Раз у нас забрали магию, значит, эта магия опасна для тьмы внутри. А раз для нее опасна даже наша слабенькая сила, то ничего по-настоящему страшного там нет.

— Есть, капитан! — кивнул Сергей и первым ступил в проем.

Тьма в нем казалась неподвижной. Мне чудились взгляды в этой непроглядной черноте, монстры, скрывающиеся под ее покровом. Нас там ждали.

И хотелось бы мне самой верить, что ничего по-настоящему опасного там не было. Да получалось плохо.

— У нас есть преимущество, — напоследок сказала я. — Мы — маги огня. Мы привыкли к тому, что наша стихия самая слабая и бесполезная. Мы всю жизнь учились выживать, не надеясь на силу. Так что ничего особенного в испытании для нас нет.

— Очень вдохновляюще, — саркастично фыркнул Воронцов.

Александр не выдержал. Схватив Владимира за шкуру, он буквально силой впихнул его в проем.

— Спасибо, — от души поблагодарила я.

— Увидимся через час, — откликнулась Кейт.

Я направилась к центральному проему и, не оглядываясь,

шагнула в темноту, краем глаза заметив, что Вишневатские сделали то же самое.

Тьма мгновенно сомкнулась за спиной. Я не слышала ни шагов, ни голосов. Не видела ни капли света. Тишина казалась оглушительной. Я вытянула руки вперед, но ничего не почувствовала. Не дотянулась ни до стен, ни до каких-либо предметов. Только пустота.

Сколько прошло времени? Минута? Десять? Час? В абсолютной темноте невозможно было ориентироваться. Медленно я продвигалась вперед, держа перед собой руки, чтобы ни на что не натолкнуться. Зачем-то закрыла глаза, хотя смысла в этом никакого не было, и сосредоточилась на дыхании, чтобы не дать разгуляться воображению.

Вдох. Выдох. Вдох.

В темноте, совсем рядом, что-то шевельнулось.

Я замерла. Звук был едва уловимый, больше похожий на движение воздуха, которое скорее чувствуешь, чем слышишь.

— Кто здесь?

Я сделала шаг в сторону, противоположную той, в которой мне почудилось движение. Снова и снова щелкая пальцами, пытаясь вызвать искры, я чувствовала, как нарастает паника. Пол под ногами казался ровным и твердым, но когда я наклонилась, чтобы коснуться его рукой — почувствовать хоть какую-то опору, понять, хотя бы в какой комнате я нахожусь, пальцы погрузились во что-то вязкое и холодное. С

отвращением отдернув руку, я топнула ногой — и пол по-прежнему остался твердым.

Прошлая Ярина, мечтавшая о политехе, сказала бы, что пол — неньютоновская жидкость. Но в этом мире технологию заменяла магия, и ничего хорошего от таких фокусов темноты ждать не приходилось.

Снова шорох, теперь уже слева, совсем рядом с местом, где я стояла.

— Эй! Прекрати и покажись! Я два раза предупреждать не буду.

Ответом стал негромкий гортанный смех, чем-то напоминающий кашель. Он звучал отовсюду сразу: слева, справа, сверху, снизу. Я зажала уши, но показалось, что он звучал даже внутри головы.

— Чем ты угрожаешь мне? Ты пришла без огня, без своей силы. Что ты можешь без них?

Я щелкнула пальцами еще раз — и получилось высечь несколько искр. Внутри поднялось знакомое чувство — магия без усилителя просыпалась. Вероятно, это было невозможно для законов мироздания, но Дашков как-то связал Ветер Перемен со мной, и магия стала слушаться даже тогда, когда все природные законы велели ей молчать.

Нужно было только найти эту силу и заставить ее работать.

В выдуманном мире магия может работать как угодно. Почему бы ей не заработать сейчас? Значительная часть си-

лы ушла, я чувствовала внутри пустоту после того, как отдала усилитель. Но кое-что все же осталось.

Из маленькой искры разгорается пламя.

Нужно лишь вовремя плеснуть бензина.

— Кто сказал, что я пришла без силы?

Новый сноп искр получился значительно сильнее. Смех оборвался.

— Однажды ты уже натворила бед своей магией, Ярина. Неужели хочешь пройти через это снова? Что ты сделаешь? Подожжешь дом с твоими друзьями? Хочешь, чтобы они задохнулись и горели, не сумев найти выход во тьме?

Я с шумом сглотнула и опустила руку. Кто бы это ни был, он прав. Я получила силу, противоречащую законам этого мира, но однажды с ее помощью убила человека. Двоих — одного случайно, второму заживо выжгла сердце лишь потому что мое собственное невыносимо болело.

— Кто ты? — спросила я.

— Твой худший кошмар, Ярина.

Сделав еще шаг, я наконец-то наткнулась на стену. Только прислонившись к ней спиной, я поняла, насколько сильно дрожали коленки.

— Тебе до моих худших кошмаров еще тренироваться и тренироваться.

— Ты даже не представляешь, чего по-настоящему стоит бояться, — произнес голос, на этот раз прямо у меня над ухом.

Я почувствовала на шее горячее дыхание и отшатнулась — но сбоку вдруг словно из ниоткуда тоже появилась стена.

— Так Расскажи, — выдохнула я.

— И портить удовольствие?

Я ощутила, как чья-то рука коснулась волос, сжала их на затылке, вынуждая меня запрокинуть голову.

— Ты просто кошмар в темноте, — сквозь зубы процедила я. — Созданный, чтобы повеселить публику, которая будет наблюдать, как участники игр в ужасе разбегаются, испугавшись друг дружкиных шагов!

— Уверена? По-моему я вполне реален.

Моего горла коснулось что-то холодное и острое. Я вздрогнула и выгнулась сильнее, инстинктивно пытаюсь отодвинуться подальше.

— Ты просто плод моего воображения. Пройдет час — и ты исчезнешь.

Я схватилась за лезвие ножа, отводя его от горла. Ладонь обожгла боль, теплая кровь потекла по пальцам и я вскрикнула.

— Ярина... — раздался тяжелый вздох. — Ты маленькая глупая девочка, которая не учится на своих ошибках. Ты обрела могущество — это правда, ты не вписываешься в этот мир, и потому им управляешь. Но неужели...

Я осела на пол и услышала, как нечто во тьме словно село рядом. Его голос изменился, стал человеческим и до боли знакомым. И боль, к слову вполне реальная, не давала поше-

велиться.

— Я много лет жил, обладая самой могущественной магией во Вселенной, Ярина, — произнес Дмитрий. — И знаешь, что я понял? Могущество не означает неуязвимость. В том мире, где мы с тобой выросли, магию приходилось скрывать — иначе она перевернула бы представления о мире, разрушила его. Можешь представить, что было бы, завладей Ветром Перемен политики? Или безумцы?

— Как будто ты не безумец.

— Не отрицаю. Но безумие мое, Ярина, обошлось мне потерей всего, что я любил. Посмотрим, чем обойдется тебе твое.

— Справлюсь.

— Если не поймешь, что неограниченная власть над магией накладывает ответственность — нет, не справишься. И твой мир, Ярина, который ты так хотела вернуть, будет гореть так же, как горел мой Петербург.

— Я просила вернуть мне мир, в котором есть Светлов!

Дашков хмыкнул. Я услышала, как он поднялся.

— Больше ты меня не увидишь. Живи в проклятом мире, который ты так хотела, Ярина Огнева, героиня моей истории. Но помни о долге. Однажды я потребую его оплаты — и ты сделаешь то, что я скажу.

Шаги начали удаляться — я слышала, как Дашков мягко и уверенно, словно без труда ориентировался в темноте, уходит.

— Из маленькой искры разгорается пламя, — донесся его голос уже откуда-то издалека, — но после пламени всегда остается пепел.

Затем раздался негромкий щелчок, и темнота вновь погрузилась во тьму. Прижав окровавленную руку к груди, я, пошатываясь, поднялась. Было очевидно, что Дашков затеял это испытание лишь чтобы поговорить напоследок со мной. И теперь предстояло понять, таятся здесь еще опасности, или остается лишь дожждаться конца испытания — и весь кошмар с играми будет завершен.

Самое мерзкое, что я понятия не имела, что буду делать дальше. Учиться? Чему? Как махать янтарной палочкой и зажигать свечи? Работать? Всю жизнь скрывая силу, пытаться не выделяться, пристроиться куда-то, куда готовы взять мага огня?

Начинаю понимать Дмитрия. Идея сидеть на Кубе, наслаждаясь пляжем, морем и теплом, подальше от безумного мира, уже не выглядит странной.

Тишина длилась долго. Я успела перевязать ладонь обрывком подола рубашки и немного успокоиться. Кровь больше не текла, боль чуть притупилась. Я сидела, прижавшись спиной к стене, и прислушивалась к темноте, размышляя, как быть дальше. Дашков ушел, но оставалась еще тьма — густая, вязкая, почти живая. Из нее нужно было выбираться, причем быстро, мы и так много времени потеряли на провер-

ке Вишневских и перепалках. И надо бы найти остальных, если они в этом же доме.

Я закрыла глаза. Разницы не было.

И вдруг тишину разорвал крик. Пронзительный, испуганный, полный ужаса, вопль Кейт.

Я вскочила и бросилась на звук. Руки выставила вперед, чтобы не наткнуться ни на какое препятствие, но приходилось то и дело останавливаться, чтобы убедиться в отсутствии препятствий под ногами. Я понятия не имела, куда несусь, ориентировалась только на затихающее эхо.

— Кейт! — закричала я. — Ты меня слышишь?!

Пол вдруг ушел из-под ног.

Я рухнула в пустоту и пролетела, наверное, метра два — сердце ушло в пятки. Приземлилась на что-то мягкое. В спину впились острые пружины. Я попыталась подняться и ударила лбом о низкую крышку прямо над лицом. На ощупь — дерево, гладкое, обитое изнутри тканью.

Гроб.

Меня замуровали в гробу.

Паника накатила мгновенно. Я заколотила руками и ногами, забилась, пытаясь вытолкнуть крышку. Та не поддавалась. Воздуха не хватало. Я закричала, но крик сорвался на хрип, в горле пересохло.

— Так, спокойно. — Я заставила себя несколько раз глубоко вдохнуть. — В случае чего ты просто сожжешь ко всем чертям этот гроб вместе с домом. Тебе огонь не причинит

вреда, а ребят ты вытащишь, у тебя же отец пожарный... был.

— Ярина? — услышала я чей-то приглушенный голос. — Это ты? Ты где?

Александр. Я еще никогда не была так рада его слышать!

— В гробу! — заорала я. — Вытащи меня отсюда!

Через несколько секунд я услышала где-то рядом шаги. Потом скрип. Потом ругань — Вишневский пытался найти гроб. А потом крышка поддалась, и в лицо ударил свежий воздух. Я села, жадно хватая его ртом. Вокруг была та же крошечная тьма, но теперь я хотя бы не задыхалась. Впрочем, едва ли я провела в гробу дольше пяти минут, так что нехватка воздуха была продиктована лишь паникой.

— Ты как? — спросил Александр.

— Жива. Спасибо. Где Кейт?

— Не знаю. Я тоже слышал крик и побежал, а потом услышал тебя. Мы на втором этаже, здесь балкон или что-то вроде. Я чуть сам не свалился.

— Кейт кричала где-то выше, мне показалось, на другом этаже.

Я выбралась из гроба, едва не свалившись мешком на пол, и встала на ноги. Коленки дрожали, но я заставила себя идти вперед, нащупывая путь рукой. Александр схватил меня за плечо.

— Стой, здесь ступеньки. Узкие.

— Уверен?

— Уже прошелся по ним лицом.

Я действительно нащупала носком ботинка первую ступень. Лестница, как и говорил Александр, оказалась узкой. Нам пришлось идти друг за другом. И удивительным образом теперь, когда тишина не была звенящей, когда я слышала шаги Вишневого, его тяжелое дыхание, было не так тревожно.

Ступеньки скрипели, и я зачем-то начала их считать. Десять. Двенадцать. Пятнадцать. Мы вдруг оказались в таком же узком коридоре, я коснулась обеих стен сразу, расставив в стороны руки.

— Кейт! — позвал Александр.

Ответом была тишина.

Я начинала нервничать. Что могло случиться с Вишневской здесь? От банального неожиданного испуга — как мое падение в гроб, так и нечто более серьезное, что могло скрываться во тьме и подстерегать жертв до поры до времени.

Да к черту!

Я решила побыть ответственной позже, а пока как можно скорее отсюда выбраться, желательно не потеряв никого из команды. Хватит с меня Светлова.

Закрыв глаза (хотя в этом не было никакого смысла), я сосредоточилась. Представила, как внутри зарождается пламя, как огонь течет по венам и поднимается к кончикам пальцев. Магия сопротивлялась, отзывалась слабо, с неохотой. Как будто затаила обиду за попытку избавиться от нее. Но все же поддалась.

— Давай же!

С ладони сорвался огненный шар. Он поднялся к потолку и завис там, разгоняя тьму. Я увидела старый коридор с облезлыми обоями и деревянными панелями. Увидела лестницу за спиной и гроб на втором этаже — он стоял прямо у перил, как будто его поставили там специально. Увидела Александра, бледного, со ссадиной на лбу.

— Как ты это сделала?

— Потом, — отмахнулась я. — Идем!

Я гнала огненный шар перед собой, он освещал дорогу, но оставлял за спиной темноту. Это было неприятно — все время казалось, что из этой темноты кто-то смотрит. Дышит в затылок. Я убеждала себя, что это лишь игра воображения. Но на самом деле была готова ко всему.

Наконец мы уперлись в тупик. Похоже, это было нечто вроде чердака, куда вела единственная на этаже с низким потолком и прогнившими балками дверь. Александр без раздумий схватился за ручку и дернул. В нос ударил сильный запах пыли, я не удержалась и чихнула.

Чердак оказался захламленным. Повсюду стояли старые шкафы и сундуки, громоздились коробки и сломанная мебель. Кейт стояла в дальнем углу, спиной к нам, и смотрела куда-то вниз, словно и не слышав, что мы вошли.

— Кейт!

Александр подскочил к сестре.

— Что случилось?

Она не ответила. Я подошла ближе и увидела, что Кейт держит в руках хрустальный шар. Такой же, какие выдали капитанам — шар с предсказанием. В котором я увидела смерть Светлова.

— Кейт... — осторожно позвала я. — Что ты там видишь?

Она подняла голову. Ее глаза были красными, но сухими.

— Он умрет, — прошептала она. — Саша умрет.

— Что за чушь! — Александр попытался выхватить шар, но Кейт вцепилась в него мертвой хваткой.

— Я видела. Там было пламя. И ты внутри него. Я не успела.

— Это просто игра, — сказала я. — Тьма пытается нас напугать. Ты же сама говорила — она реагирует на страх. Дашков расставил ловушки, чтобы мы не дошли до финала.

— Это не тьма, — Кейт покачала головой. — Это предсказание. Шар всегда показывает правду. Ты знаешь это лучше всех. Ты ведь тоже такой получила! Скажи?! Скажи, предсказание в нем оказалось ложью?!

Я вспомнила свой шар. Вспомнила, как стекленел взгляд Светлова, как его кожа покрывалась инеем.

— Ты смогла? — Кейт подняла на меня глаза. — Твое предсказание сбылось?

Пауза затянулась. Александр смотрел на меня с надеждой, причем вызванной не столько страхом за себя, сколько надеждой, что я успокою сестру. Кейт — с отчаянием. Я могла сказать правду. Могла рассказать, как все было. Но тогда у

них не осталось бы ничего, кроме страха. И они совершили бы ту же ошибку: попытались предотвратить пророчество, в итоге сделав лишь хуже.

— Нет. Мое предсказание не сбылось. И уже точно не сбывается.

Кейт выдохнула и медленно разжала пальцы. Шар ударился с глухим стуком, покатился по полу, натолкнулся о ножку стула и замер. Я старательно отводила взгляд, боялась, что кто-то увидит в моих глазах правду.

— Как ты вообще его нашла? — спросила я.

— Просто услышала какой-то звук, пошла на него, и прямо к ногам выкатился шар. Я его взяла, а в нем вдруг вспыхнула картинка. Я испугалась. Извините, что кричала. Обычно я сдержаннее.

С огненным шаром стало проще ориентироваться, тьма перестала пугать. Я старалась не думать о том, что если как и на первом испытании, за нами сейчас наблюдают, то игры мы уже проиграли. Да и ко мне появятся вопросы, магию-то мы вроде как сдали. Но выбраться и уже закончить этот страшный сон хотелось сильнее, чем играть по правилам.

Мы спустились на второй этаж и продолжили поиски. Сергея нашли на лестнице — он сидел на ступеньках и держался за голову. На лбу наливалась здоровенная шишка.

— Ты как? — спросила я.

— Нормально. Шел на крик и налетел на балку. Темнота чертова. Еще за балку счет выставят — я ее, кажется, сломал.

— Ничего, я угощаю. Вставай. Надо найти Воронцова и искать уже выход. Я ужасно проголодалась.

Не знаю, сколько в этой реальности я не ела, но желудок жалобно урчал.

Мы двинулись дальше по коридору. Огненный шар плыл над нашими головами впереди, освещая облезлые обои, покосившиеся двери и толстый слой пыли.

Воронцов нашелся в конце коридора, за узкой дверью, которую мы сначала приняли за стенной шкаф. Из-за двери доносилась приглушенная возня и сдавленное пыхтение.

— Воронцов? — позвал Александр, постучав. — Это ты?

— Откройте! голос Владимира звучал глухо и отчаянно. — Тут какая-то хрень! Я ничего не вижу!

Я потянула дверь на себя. Она распахнулась, и на нас вывалился Воронцов — всклокоченный, перепуганный и с головы до ног обмотанный женскими платьями. На голове каким-то чудом держалась старомодная шляпа с огромными страусиными перьями, а на шее болтался кружевной воротник. Он попытался сделать шаг вперед, но запутался в шлейфе и едва не рухнул.

Александр заржал первым. Громко, запрокинув голову. Сергей присоединился через секунду, а следом захихикала даже Кейт, еще не отошедшая от предсказания в шаре. Я не выдержала и тоже улыбнулась. Воронцов стоял посреди коридора, обмотанный рюшами и кружевами, с перьями, свисающими на глаза, и смотрел на нас с такой искренней оби-

дой, что это выглядело еще смешнее.

— Я рад, — процедил он сквозь зубы, — что мое унижение доставляет вам радость. Очень по-дружески.

— Так мы с тобой и не дружим, — хохотнул Вишневский. — Ты же не забываешь напоминать, что мы недостойны твоего аристократического общества.

— И вы не разочаровываете, каждый раз подтверждаете мою правоту.

— Иди сюда, мудрая старушка, — продолжая хихикать, сказала Кейт.

Она помогла ему выпутаться из вороха платьев. Шляпу Воронцов швырнул обратно в чулан с такой яростью, словно это она была виновата во всех его бедах, начиная от моего рокового выбора участника игр, заканчивая явным либерством, которого Воронцов не желал.

Смех быстро стих. Минута искреннего веселья пошла всем на пользу: атмосфера стала чуть расслабленнее. Но это быстро исправил вопрос Сергея, после которого повисла гнетущая тишина:

— Кстати, откуда у тебя магия?

Все обернулись ко мне. Огненный шар по-прежнему висел под потолком, разгоняя тьму.

— Мы ведь отдали усилители, — продолжил Сергей. — Как у тебя получается колдовать?

Я посмотрела на свою перевязанную ладонь. Кровь просочилась сквозь ткань и запеклась бурым пятном. Я устала.

Я чертовски устала врать и недоговаривать. Да и смысла во лжи больше не было — спасти Светлова мне все равно не удалось. И хоть я уже пыталась открыться, сначала папе, потом Михаилу, мне смертельно хотелось с кем-то поделиться. С тем, кто мне поверит хотя бы.

— Это долгая история, — вздохнула я.

— А мы никуда не торопимся, — ответила Кейт.

— Вообще-то торопимся выйти, — напомнил Воронцов.

Но его перебил Александр:

— Молчи, бабуля. Мы никуда не пойдем, пока Ярина не расскажет.

Я прислонилась спиной к стене и медленно сползла вниз, сев прямо на пыльный пол. Ребята устроились рядом. Александр опустился на корточки, Кейт встала у окна, а Воронцов так и остался стоять на прежнем месте, скрестив руки на груди, всем видом демонстрируя неодобрение. Сергей сел на ступеньку лестницы.

Пришлось рассказывать с самого начала. Со встречи в самолете (пришлось объяснять, что такое самолет), с разговора о книге. О том, как самолет превратился в дракона. О том, как мир изменился, а я осталась единственной, кто помнил реальность без колдовства. Рассказала про Игры, про Аспера, про его одержимость и нашу сделку. Про Светлова — как он записался в команду Аспера, чтобы защищать меня, и как погиб практически от моей руки. Рассказала про Дмитрия Дашкова, про Ветер Перемен, про возвращение в реальный

мир, где Натали Аронова оказалась такой же пустой оболочкой, как и брат Дмитрия. Про то, как Дашков согласился откатить реальность обратно.

Я говорила долго. В горле пересохло. Когда я закончила, то увидела на лицах ребят шок.

— Выходит... — медленно начала Кейт. — Мы живем в выдуманном мире? Мы не настоящие?

— Настоящие! — возразила я. — Просто мир другой. Как если бы кто-то сейчас убрал из мира всех магов воды.

— Было бы круто, — хмыкнул Сергей. — Но в том мире мы ведь были другими? Возможно, не магами огня, возможно, у нас были семьи, так?

— Как правило, Ветер Перемен не меняет мир глобально, — в очередной раз соврала я, — он меняет структуру мира, его законы, силы, энергии, уклад. Но человеческие судьбы плюс-минус сходятся. Если у тебя в этом мире есть племяшка, о которой ты заботишься — то она и в том существовала. Если вы в этом мире близнецы, то и в прошлой версии были ими.

— А проклятье? — живо заинтересовалась Кейт. — В том мире было наше с Сашкой проклятье?

— Ну... — Я задумалась и от внезапно пришедшей на ум догадки поежилась. — Некий его вариант был. Назывался сиамские близнецы. Но поверьте, ваш вариант в разы приятнее.

— Ладно, но я так и не поняла, как с этим связано то, что

у тебя сохранилась магия.

— Дашков менял мир, основываясь на моей фантазии. Видимо, Ветер Перемен как-то зацепился за меня, я точно не знаю. Но я не потеряла память, а еще однажды подумала, что в выдуманном мире магия может работать как угодно — и сделала то, что захотела, не обращая внимания на ее законы. Может, все так могут, просто не допускают мысли? Не знаю.

— То есть ты можешь вообще все? — спросил Александр.
— Совсем все?

— В теории.

— И эту магию нельзя забрать, как наши? — уточнил Сергей.

— Дашков не объяснял механику. Но, похоже, что нет.

Воронцов издал странный звук — не то смешок, не то всхлип.

— Ты всемогущая, — произнес он. — Ты можешь менять реальность. Ты сожгла целый город одной только силой мысли. А я на тебя кричал, предлагал тебе взятку, угрожал тебе. Ты понимаешь, что могла просто испепелить меня на месте?

— Тогда я не знала, что могу. Но вообще-то убивать людей незаконно даже если ты всемогущая. Мне что, сжечь весь мир, чтобы в одиночестве сидеть на пепелище? Хочешь быть в системе — подчиняйся. Вот я и подчиняюсь законам мира, в котором живу.

— И что ты теперь будешь делать? — спросила Кейт.

Я пожала плечами.

— Жить. Учиться. Попробую не сжечь школу. И вообще больше ничего не сжечь. Может, найду работу.

— Работу? — переспросил Александр. — Ты всемогущая, а хочешь искать работу?

— Я никому не говорила про свою силу. И не скажу. Если кто-то узнает, начнется такое, что игры покажутся детским утренником. И вы должны молчать, пожалуйста! Это очень опасно. Представьте, если такая сила окажется в руках такого, как Аспер Дашков? Это катастрофа! А сколько их таких?

Кейт помолчала, потом кивнула.

— Мы никому не скажем.

— Конечно, — поддержал Александр. — Своих не сдаем.

Сергей просто кивнул. Воронцов тоже — коротко и обреченно, как человек, который смирился с тем, что его жизнь окончательно превратилась в балаган.

По ощущениям, наш час истекал. Я поднялась и двинулась по коридору туда, где, как мне казалось, должен был быть выход. Остальные шли следом. Вскоре мы действительно наткнулись на дверь — тяжелую, с коваными петлями и массивной ручкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.